

Алексей ИСАЕВ,
кандидат исторических наук

«МЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ В СЕВАСТОПОЛЬ РОДНОЙ...»

Освобождение Крыма. 1944 год¹

Крымская операция, без сомнения, является одной из самых успешных для Красной армии в 1943–1945 годах. Её ход достаточно хорошо известен: главный удар с плацдарма на Сиваше, вспомогательный на Перекопе, выброска подвижных отрядов, штурм Сапун-горы, толпы пленных и горы немецких трупов на мысе Херсонес. Поэтому хотелось бы остановиться на важных деталях сухопутной операции, по разным причинам оставшихся в тени.

Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы оценить сложность задачи прорыва в Крым открытой силой: полуостров соединён с материком лишь узкими перешейками. В этих условиях захват осенью 1943 года плацдарма на крымском берегу залива Сиваш был событием исключительного значения. По первоначальному замыслу советского командования освобождение Крыма должно было стать частью общего весеннего наступления 1944 года в южном секторе советско-германского фронта. Соображения относительно плана операции были представлены в Ставку ВГК Александром Михайловичем Василевским ещё 6 февраля 1944 года. Удар предполагалось нанести силами 4-го Украинского фронта Фёдора Ивановича Толбухина: главный — на Сиваше, вспомогательный — на Перекопе. Ставка требовала начать операцию не позднее 1 марта. Однако бушевавшие на Азовском море штормы, снегопады и метели привели к разрушению переправ через Сиваш, и Василевский доложил Ставке: «Операцию можно будет начать лишь в период между 15–20 марта». Прорыв в Крым был отложен, а 16 марта Ставка вообще предписала «начинать после овладения войсками левого крыла 3-го Украинского фронта районом города Николаев и выдвижения их к Одессе». После овладения Николаевом операция была вновь отложена из-за плохой погоды, на этот раз до 8 апреля.

Смещение времени начала операции привело к корректировке первоначального замысла, о котором обычно не упоминается. Ранее предполагалось

направить после захвата Джанкоя 19-й танковый корпус через Сейтлер на Ак-Монайские позиции, с целью отрезать и уничтожить керченскую группировку противника². Приказом же военного совета фронта от 18 марта 1944 года корпус перенацеливался на Симферополь — для того, чтобы предотвратить отход немцев с Керченского полуострова, сочли достаточным перехватить железную дорогу.

Всего в составе привлекавшихся к операции 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии было около 470 тысяч человек, 560 танков и самоходно-артиллерийских установок (САУ). Противостоявшая советским войскам 17-я армия вермахта насчитывала в начале апреля 1944 года 235 тысяч человек. Немалую долю в этом количестве составляли румыны: на 1 апреля 1944 года румынская армия в Крыму была представлена горным (32 561 человек) и кавалерийским (32 151 человек) корпусами³. Количество немецкой бронетехники в Крыму можно оценить примерно в 100 машин (включая две немецкие бригады штурмовых орудий и разномастные трофейные танки румын).

Долгая оперативная пауза позволила советской стороне хорошо подготовить войска. В тылах армий были оборудованы учебные поля и штурмовые городки, воспроизводящие участки обороны противника на Перекопском перешейке и на плацдарме за Сивашом. Последовательность атаки отработывалась до автоматизма. Для введения противника в заблуждение при ложных переносах огня в дивизиях первого эшелона заготавливалось по 150–200 чучел, поднимавшихся над окопами в «атаку» и вызывавших огонь противника. Учения проводились с боевой стрельбой артиллерии и отработкой взаимодействия с авиацией.

Крымская операция Красной армии началась в 8.00 8 апреля с артиллерийской подготовки, длившейся 2,5 часа. Иногда пишут о том, что в наступлении на Перекопе была задействована артиллерия калибра 203 мм и что советское командование создавало впечатление нанесения главного удара именно на этом направлении⁴. Однако в действительности Красная армия использовала в ходе освобождения Крыма куда более мощные орудия — 280-мм мортиры Бр-5. Они действовали в составе 315-го и 317-го отдельных артиллерийских ди-

визионов особой мощности (оад ОМ). Дивизионы прибыли в Крым ещё зимой и плодотворно использовали период затишья для разведки целей. При этом 203-мм гаубицы Б-4, разумеется, тоже присутствовали — в составе 20-й гаубичной бригады большой мощности.

317-й оад ОМ за 8 апреля выпустил 208 280-мм гранат⁵, 315-й — 242⁶. Целями тяжёлых орудий были ДЗОТы и блиндажи обороняющихся. Успешное поражение системы обороны противника артиллерией открыло путь пехоте и танкам, в том числе тяжёлым — советская группировка на Перекопе была слабее количественно, но сильнее качественно, в её состав входили тяжёлые танки КВ-85. Однако в глубине обороны противника наступающие встретили обширное минное поле, не вскрытое разведкой. В итоге ставка командования фронта на главный удар 51-й армией с плацдарма на Сиваше полностью оправдалась. Оборона румынской 10-й пехотной дивизии совершенствовалась всю зиму и была подперта немецкими штурмовыми орудиями (это стоило наступавшей здесь 32-й танковой бригаде 15 сгоревших Т-34), но продержалась лишь около суток. К утру 10 апреля оборона на этом направлении рухнула, был захвачен населённый пункт Томашевка на выходе из озёрных дефиле и подготовлен ввод в прорыв 19-го танкового корпуса.

В целом прорыв немецко-румынской обороны в «воротах» Крыма прошёл на удивление быстро и результативно. На этот период пришлась меньшая часть и потеря личного состава 4-го Украинского фронта (3923 человека убитыми и 12 166 ранеными⁷), и расхода боеприпасов (с 8 по 10 апреля 1944 года фронт израсходовал их 677 вагонов⁸).

Вечером 10 апреля группа командиров из 19-го танкового корпуса отправилась на передовую для рекогносцировки перед вводом корпуса в прорыв. Во время уточнения задачи на местности налетели немецкие бомбардировщики, и почти вся группа вышла из строя. Был тяжело ранен командир корпуса, начальник оперативного отдела штаба, ранены заместитель комкора, командующий артиллерией корпуса и командиры 6-й гвардейской и 79-й танковых бригад. Это поставило корпус в исключительно тяжёлое положение и имело последствия для операции в целом. К слову сказать, иногда этот эпизод относят к 10 мая 1944 года, к последним вспышкам активности люфтваффе в Крыму, но это неверно.

Поначалу лишившийся командиров корпус вполне успешно наступал, взял

Джанкой и, с опережением графика на сутки — Симферополь. Именно в этот момент произошли события, определившие, по какому сценарию пойдёт разгром немецких войск в Крыму.

Во-первых, традиционным для кампаний заключительного периода войны был разгром колонн отступающих немецких войск с воздуха штурмовиками Ил-2. В Крымской операции в отличие, например, от «Багратиона», этого не произошло. Почему? Дело в том, что запасы авиабензина перед началом операции составляли только четыре заправки, что могло обеспечить работу авиации в течение трёх дней. В итоге в первые дни наступления 8-я воздушная армия выполняла по 800–900 самолёто-вылетов в сутки, но с 13 апреля её активность резко упала. Собственно, 13-го летали только ночные У-2, выполнившие всего 125 вылетов. 14 апреля 8-я воздушная совершила 204 вылета, 15-го — 441, 16-го — 271⁹. Штурмовики вынужденно бездействовали, что позволяло немцам и румынам отойти в Севастополь.

Во-вторых, после освобождения Симферополя был поставлен ребром вопрос о дальнейшем использовании 19-го танкового корпуса. Приказом фронта создавалась подвижная группа в составе корпуса и 279-й стрелковой дивизии. Командиром группы был назначен заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В. Н. Разуваев. Стрелковая дивизия из-за отсутствия достаточного количества автомашин к району действия танкистов подойти не успела, и фактически Разуваев вступил в командование корпусом. Исполнявший обязанности комкора полковник Поцелуев 12 апреля принял решение всеми силами преследовать противника по шоссе Бахчисарай — Севастополь и овладеть Севастополем с хода. Генерал Разуваев это решение отменил и приказал направить мотострелковую бригаду корпуса по горной дороге на Алушту. Фактически это было отголоском первоначальной идеи запереть керченскую группировку противника на Ак-Монайских позициях. Теперь отходивший с Керченского полуострова V немецкий корпус пытались перехватить на приморской дороге.

Однако этот план потерпел неудачу. Усиленная 26-я мотострелковая бригада, наступая по Алуштинскому шоссе, медленно продвигалась вперед и только к исходу третьих суток (15 апреля) достигла Алушты — одновременно с частями наступавшей со стороны Керчи Приморской армии. Добыча уже успела ускользнуть. Благодаря горно-лесистой местности, дорогам с крутыми поворота-

ми, один румынский полк в течение трёх дней сдерживал бригаду. Вся дорога была заминирована, мосты взорваны. На маршруте до Алушты бригаде пришлось восстановить 13 мостов, чтобы пропустить по ним технику.

Ещё одну бригаду Разуваев отправил на восток. Для преследования противника, отходившего на Севастополь, остались две танковых бригады с небольшим количеством мотопехоты. Это отрицательно сказалось на темпах их продвижения к Севастополю. Разумеется, если бы командир 19-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Д. Васильев остался в строю, то вряд ли генерал-майор Разуваев смог бы так вольно распоряжаться корпусом и разбрасывать его бригады по всему Крыму. Отметим, что приказ Разуваева был отменён штабом фронта, но лишь 14 апреля, когда разворачивать бригады было уже поздно.

Может возникнуть вопрос: а что же подвижные отряды, всегда упоминаемые при описании Крымской операции? В отчётных документах фронта по горячим следам событий отмечалось, что они «себя оправдали и сыграли исключительно важную роль в освобождении территории Крыма»¹⁰. Вместе с тем указывалось, что «отряды, увлекаясь мелкими стычками с противником, гонялись за отдельными разрозненными группами и машинами, упуская из виду главное — захват портовых городов на западном побережье Чёрного моря, в особенности города Севастополь»¹¹. Отряды были слабо обеспечены подвижными средствами связи и вследствие этого фактически не взаимодействовали друг с другом. Об ограниченных возможностях передовых отрядов говорил и немецкий «крымский» опыт с так называемой бригадой Циглера осенью 1941 года.

Конечно, довольно трудно просчитать последствия стремительного броска главных сил 19-го танкового корпуса на Севастополь. Однако танковый корпус подходил для этой задачи лучше всего. Имелись шансы опередить немецко-румынские части и с хода захватить окраину города или почти не занятые ещё севастопольские обводы обороны. Так или иначе, упредить части 17-й армии в выходе к Севастополю в апреле 1944-го не удалось, и попытки взять город с ходу натолкнулись на ожесточённое сопротивление противника. Так, атака 19-м танковым корпусом позиций немцев 18 апреля успеха не имела, от флангового огня с Сапун-горы было потеряно 46 танков, в том числе 28 сгоревшими.

Штурм немецких позиций под Севастополем требовал времени, прежде всего на накопление боеприпасов. Несмотря на очень малые сроки, в которые наши железнодорожные войска сумели восстановить Чонгарские мосты (к этому готовились заранее, накапливая материалы для ремонта), всё же первые поезда пришли в Джанкой только 22 апреля, а открытие движения до тыловых армейских районов произошло лишь 29-го. Только с этого времени стали быстро накапливаться необходимые запасы. А. М. Василевский в своих мемуарах описывает дискуссию со Сталиным относительно времени начала штурма Севастополя. Судя по всему, Верховный требовал именно накопления достаточно-го количества боеприпасов.

Кто же противостоял советским войскам у стен Севастополя? В своей ставшей классической работе Андреас Хильгрубер пишет, что «3 мая в крепости Севастополь находились 64 700 человек»¹². К этой цифре нужно сделать существенное уточнение — «немецких войск». Согласно подсчётам, проведенным рабочей группой Верховного командования сухопутных сил вермахта (ОКХ) уже в июне 1944-го, на 3 мая в Севастополе находились 67 384 немца, 18 077 румын и 810 человек в охранных подразделениях¹³. Это важный момент для оценки потерь. Здесь же, в Севастополе, к 3 мая скопились 8 тысяч лошадей и 5259 автомашин, тягачей и мотоциклов. Несмотря на массовую утрату вооружения при отходе к Севастополю, у 17-й армии ещё оставались 273 орудия разных калибров (в том числе соответственно 7 и 2 САУ «Мардер» и «Хуммель»), 238 миномётов и 11 штурмовых орудий (ещё 2 прибыли морем 5 мая)¹⁴. Севастополь теперь стал «крепостью». Настаивавший на эвакуации генерал Э. Йенеке был отстранён, и новым командующим 17-й армией стал генерал К. Альмендингер.

Сосредоточенные для удара по последнему бастиону врага в Крыму советские войска насчитывали (на 1 мая) 242 159 человек, 5541 орудие и миномёт, 340 танков и САУ. Если немцы в 1942 году ориентировались на штурм Севастополя с севера, то Красная армия в 1944-м наносила главный удар с востока. Разница в планировании объяснялась в немалой

степени тем, что советские войска располагали большим числом бронетехники, в том числе подвижным соединением в лице 19-го танкового корпуса, и предпочитали танкодоступное направление. Сюда же, под Сапун-гору, перегруппировали тяжёлую артиллерию, начавшую методичную подготовку к штурму.

По существу, события 8–20 апреля 1944 года соответствовали отходу советских войск в Севастополь в октябре–ноябре 1941-го, за которым последовала 250-дневная оборона города. Однако, когда ситуация развернулась на 180°, развитие событий оказалось куда более стремительным. 5 мая нанесла отвлекающий удар с севера, по традиционному маршруту немецких наступлений 1941–1942 года, 2-я гвардейская армия. 6 мая часть сил перешла в наступление 51-я, а 7 мая, в 10.30, после полуторачасовой артподготовки, нанесла главный удар Приморская армия.

Штурм Сапун-горы был кровопролитным, но стремительным. Уже 9 мая был освобождён Севастополь, а к 12 мая 1944 года всё было кончено, остатки 17-й армии капитулировали на мысе Херсонес. Немцы сопротивлялись с отчаянием обречённых, но потери советских войск в последней фазе операции можно оценить как умеренные. С 5 по 12 мая фронт в целом потерял 5392 человека убитыми и 21 043 ранеными, в том числе Приморская армия – 2104 убитыми и 7411 ранеными¹⁵. В немалой степени эти сравнительно небольшие потери объясняются мощным артиллерийским и авиационным ударом. С 5 по 9 мая фронт расстрелял 823 вагона боеприпасов, а с 10 по 12 мая — ещё 465; в итоге получилась почти половина расхода за операцию в целом — 2744 вагона¹⁶. После периода бездействия полностью реабилитировала себя авиация. В течение периода решающих боев за Севастополь, с 5 по 12 мая, она в среднем делала в сутки по 909 дневных и по 650 ночных самолёто-вылетов.

Каковы же потери немцев в Крымской операции? Ввиду сомнительности отчётных данных с 3 по 12 мая 1944 года, имеет смысл свести баланс «было — осталось». С 1 по 14 мая (время прибытия в Румынию) морем и по воздуху из Крыма

было вывезено 30 025 военнослужащих 17-й армии и 9-й дивизии ПВО, в том числе 19 724 здоровых и 10 301 раненый. Кроме этого, вывезли 3503 человека персонала Кригсмарине и 742 человека персонала Люфтваффе, 9180 румын и 3417 сотрудников различных ведомств (организация Тодта, персонал имперских железных дорог, гражданских специалистов) и военнопленных. Всего, таким образом, 46 864 человека. Но было и обратное движение: в Севастополь везли пополнения, которых с 1 по 10 мая набралось 4025 человек¹⁷. Это заметно больше, чем заявлял Хильгрубер, по словам которого, «с 1 по 12 мая 1944 г. в Севастополь было доставлено из Констанцы два маршевых батальона общей численностью 1300 человек, 15 противотанковых пушек, 10 миномётов, 4 тяжёлых полевых гаубицы и несколько лёгких орудий и минометов». Оценка Хильгрубером пополнений техникой также расходится с данными рабочей группы ОКХ. По ним, с 1 по 10 мая в Севастополь было доставлено 18 75-мм противотанковых пушек ПАК-40, 3 37-мм ПАК-35/36, 27 других орудий (включая тяжёлые 22-см французские гаубицы) и 11 штурмовых орудий¹⁸. В свете этих цифр изобилию штурмовых орудий на снимках советских трофеев в Крыму в 1944 года удивляться не приходится.

Если вычесть количество эвакуированных солдат и офицеров из общей численности 17-й армии на 3 мая 1944 года, то получится, что убитыми, пропавшими без вести и пленными немцы и румыны потеряли 50 281 человека или 56% личного состава. Это, подчеркну, только последняя фаза боёв за Крым и только данные по армейским подразделениям. Безвозвратные потери немцев и румын за весь период операции можно оценить в 80–100 тысяч человек. В связи с этим 61 587 пленных, взятых Красной армией в Крымской операции, представляются достаточно реалистичной цифрой. При этом безвозвратные потери советских войск с 8 апреля по 12 мая составили 17 754 человека, что, даже по самым заниженным оценкам, вчетверо меньше, чем у противника. В мае 1944 года война вступала в новую фазу, началась череда сокрушительных поражений германских войск.

Примечания

1. Публикуемый материал продолжает большой цикл авторских публикаций по истории Великой Отечественной войны на страницах «Родины». См.: Исаев А. Сталинград – это наша победа//Родина. 2008. № 2. С. 31–36; Он же. Восточная Пруссия — «крепкий орешек»//Родина. 2010. № 5. С. 84–87; Он же. Сталинград. Трудное начало//Родина. 2013. № 1. С. 5–10; Он же. Долгожданное освобождение. Смоленская

наступательная операция//Родина. 2013. № 9. С. 126–129.
2. ЦАМО РФ. Ф. 3416. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.
3. Axworthy M. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. London. 1995. P. 133.
4. Операции Советских вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 3. М. 1958. С. 193; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3.

Освобождение. М. 1999. С. 49.
5. ЦАМО РФ. Ф. 317 оад ОМ. Оп. 811308. Д. 1. Л. 35.
6. Там же. Ф. 315 оад ОМ. Оп. 695810. Д. 2. Л. 7.
7. Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 455. Л. 204.
8. Там же. Л. 202.
9. Там же. Л. 203.
10. Там же. Оп. 3004. Д. 33. Л. 87.
11. Там же.
12. Hillgruber A. Die Raumung der Krim 1944.

Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1959. Heft 9. Цит. по: Флотомастер. 1999. № 2. С. 55.
13. National Archives and Records Administration (NARA). T78 R269. Frame 6217195.
14. Ibid. Frame 6217196.
15. ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 455. Л. 204.
16. Там же. Л. 202.
17. NARA. T78 R269. Frame 6217208.
18. Ibid.